

«Скорый фирменный поезд Красноярск — Москва отправляется с третьего пути», — объявил по вокзалу приятный женский голос. Последние провожающие, закончив прощания, поспешили к выходу. Через несколько минут вагоны состава дёрнулись, зашевелились, поезд тронулся и начал свой путь к столице.

После недавнего повышения цен, практически сравнявшего стоимость проезда в купейном вагоне и стоимость авиаперелёта, пассажиров заметно поубавилось, но это только на время. Всё вернётся на круги своя, следуя рыночным законам, когда подорожают авиабилеты. А пока этого возвращения не произошло, вагон скорого поезда был заполнен примерно наполовину.

Я расположился в купе на нижней полке. Место напротив занял серьёзный неразговорчивый мужчина, следовавший до Новосибирска. После дежурного приветствия каждый занялся своим делом: он углубился в чтение какой-то заумной книги, а я стал смотреть в окно, прощаясь с городскими кварталами, пригородными дачами, всматриваясь в мелькающие полустанки. Постепенно стемнело. Пейзаж за окном превратился в мазню начинающего художника, пробующего краски тёмного цвета, а вскоре и оттенки исчезли: как ни старался я разглядеть, кроме чёрной завесы ночи, ничего не было видно. Наутро, когда я проснулся, молчаливого попутчика уже не

было — Новосибирск остался позади. За окнами проплывали бескрайние сибирские просторы. Природа поражала своей красотой там, где «человек разумный» не успел оставить свой след. Совершенно инородными и чуждыми этой красоте элементами казались развалины некогда живых деревень, с обвалившимися крышами покосившихся домов, пугающие, как мертвецы, пустыми глазницами окон всякого, кто на них посмотрел. Остовы заброшенных промышленных зданий, покорёженное и ржавеющее оборудование в пригородах дополняли картину запустения и уныния. Иногда среди груды металлолома можно было разглядеть копошащихся людей, выискивающих цветные металлы. Те, кому повезло раздобыть что-либо ценное, по одному или группками с грязными мешками, переброшенными через плечо, спешили на пункты приёма, чтобы на вырученные деньги обзавестись очередной порцией «Боярышника». Тоска беспросветная. Когда от созерцания такого разорения становилось совсем тошно, а красивые природные пейзажи были не в состоянии скрасить общую картину, я отодвигался от окна, брал книгу и старался отвлечься от грустных мыслей.

На закате дня, на станции Екатеринбург, в моём купе появился новый пассажир.

— Василий Александрович,— представился он и протянул руку для приветствия.

— Алексей,— ответил я, ощутив крепкое рукопожатие.

Вошедший был старше меня, на вид пенсионного возраста, но в нём просматривалась выправка военного человека. Он быстро определил место своим вещам, переоделся в спортивный костюм и заправил постель. Затем извлёк из сумки бутылку армянского пятизвёздочного коньяка и, указывая на неё взглядом, спросил:

— Ну что, за знакомство?

— Можно,— я кивнул головой и стал доставать из своего провианта колбасу, хлеб, баночки с паштетом и сыром, взятые в дорогу.

Вскоре наш столик был сервирован нехитрой закуской, а благородный напиток на треть заполнил стаканы.

— Будем знакомы! — звон стаканов восклицательным знаком завершил фразу классического тоста.

Небольшими глотками мы стали смаковать творение армянских виноделов, ощущая приятное тепло, согревающее

изнутри. Ни я, ни Василий Александрович буйной фантазией и красноречием не обладали, поэтому и последующие тосты были из той же классической серии: за родителей; за любовь... Шёл неспешный мужской разговор. Вскоре Василий Александрович подтвердил мою догадку, сказав, что закончил службу в звании генерал-майора, и тут же задал вопрос мне:

— А вы чем занимаетесь, если не секрет?

— Да так, мелкий бизнес.

— Бизнес, бизнес...

Произнеся в задумчивости это слово дважды, вспоминая какие-то события из своего прошлого, он как бы решал для себя: рассказывать про это прошлое или нет? А приняв решение, сообщил:

— Знакомо.

Выдержав небольшую паузу, он продолжил:

— Не сам занимался, конечно, но после отставки из органов одиннадцать лет охранял очень крупного бизнесмена. В начале девяностых ему большое наследство досталось. Побороться за него пришлось немало, желающих было более чем предостаточно. Кого-то постреляли, кто-то сам отказался. Тогда шеф и стал раскручиваться, охрану солидную подобрал, меня начальником пригласил. Годы были лихие. Это сейчас они кому-то святыми кажутся, а тогда всё было возможно. С утра идёшь на работу и не знаешь, вернёшься вечером домой или нет. Родных по разным квартирам и углам приходилось прятать. В центре города, среди бела дня, на пулю запросто можно было нарваться. Бизнес серьёзный — похоронный. От клиентов отбоя не было, но и конкуренция бешеная. У шефа связи были неплохие наверху, многое мог. Хоть у Кремлёвской стены похоронить при желании, деньги только давай. А с деньгами-то как раз начались проблемы. С виду вроде бы и заказчики солидные, а как до расчёта дойдёт — спасибо да бутылка водки. В общем, слёзы одни. А что с ними поделаешь? Не откапывать же усопшего? Так за копейки и работали.

Лицо рассказчика было серьёзным и напряжённым, по всему было видно, что, погружившись в воспоминания, он снова оказался в том времени безденежья и кровавых разборок.

— Однажды прознал шеф про дядюшку, Джо его звали. Нет, вру, не Джо, а Сэм. Конечно, Сэм! Вот память! Забывать имена уже стал. Сам ведь с ним здоровался и по душам разговаривал, а забыл! Проживал этот дядюшка далеко, за океаном,

был в преклонных годах, но жутко богатый. А у дядюшки был племянник, который одно время в Европе ошивался, бродил призраком, но что-то ему не понравилось, не приняли его там. Тогда он к нам в Россию подался и вроде бы даже где-то зацепился. Жил бедненько, с хлеба на квас перебивался, но сильно надеялся на дядюшкино наследство. Дядюшка из последних сил за жизнь цепляется, таблетки какие-то глотает, чтобы племянника пережить. Очень ему не хочется, чтобы наследством племянник распорядился, а близких родственников никого не осталось. Правда, злые языки утверждали, что «племянничек» дяде Сэму вовсе и не племянник, а сын внебрачный, который свои права собирается предъявить после его кончины. Дядюшка по молодости в Европе тоже бывал, возможно, и повеселился вдалеке от жены, не отказал себе в удовольствии. Ну, это их семейные дела, они нас не касаются.

В этом месте рассказа Василий Александрович игриво усмехнулся, видимо, представляя дядюшку в молодости, а может быть, вспомнив своё золотое время, и продолжил:

— Так вот, дошла до шефа информация, что дядюшка обещал хорошо отблагодарить того, кто его племянника достойно похоронит. Шеф сразу же смекнул, что на этом деле можно хорошо заработать. Фотографии сделал, как они с племянником в Свердловске в какой-то большой компании рядом в центре стоят, как на рыбалке водку вместе пьют и как по Москве гуляют возле Кремля. Натурально вышло, не подкопаешься. Получалось, что шеф мой и племянник дядюшкин не просто знакомые, а закадычные друзья. На последних цветных фотографиях шеф, в чёрном костюме, гвоздь забивает в крышку гроба своего друга, не плачет, но едва сдерживается. На венке ленточку с надписью поправляет: «Прощай, дорогой товарищ». Вот он возле могилы племянника стоит, опустив голову. Для большей убедительности собрал шеф команду «плакальщиков» с тех «пышных похорон» и отправился на самолёте знакомого олигарха за океан с отчётом о похоронных расходах. Дядя Сэм нашему приезду очень обрадовался, встретил как королевских особ, все расходы оплатил и сверх того ещё добавил. Шикарные поминки по племяннику устроил. Чего там только не было: и выпивки хоть залейся, и закуски, и фрукты, и десерты разные. Заметить не успели, как девять дней отпраздновали. Дядюшка нам по-русски без акцента уже стал подпевать: «Калинка, калинка, калинка моя...» Душевно посидели. Старик так растрогался, что на сороковины оставлял,

не хотел отпускать. Но тут по местному каналу в новостях нашего конкурента показали, который в президенты собрался и по стране с гробами стал разъезжать, обещая всем, кто за него проголосует, бесплатный гроб и оплату похорон. Здесь мой шеф не на шутку заволновался и домой срочно засобирался, хотя можно было ещё посидеть, оставляли. Но бизнес есть бизнес, тем более такой серьёзный. С дядюшкой наскоро попрощались, приветы обещали его друзьям в Ирландии передать, пока самолёт будет заправляться... Не утомил я тебя своим рассказом? — неожиданно оборвав повествование, спросил мой новый знакомый.

— Да нет, что вы, мне интересно.

— Ну, будем здоровы! — Василий Александрович произнёс очередной тост, и чокающиеся стаканы издали привычный звук.

На какое-то время в нашем купе установилась тишина. Лишь размеренный стук колёс скорого поезда сопровождал её.

— А чем всё закончилось? — спросил я, стараясь прервать слишком затянувшееся молчание.

Василий Александрович не спеша допил остатки коньяка, поставил стакан и, вспомнив, на чём остановился, вернулся к своему рассказу:

— С возвращением целая история получилась. Только взлетели, набрали высоту — сразу пошло самолёт бросать из одной ямы да в другую. Может, оттого, что самолёт старый, по дешёвке приватизированный, или у самих капиталистов с ямами на воздушных дорогах не всё в порядке, а может, лётчики нашему застолью позавидовали — им-то трезвыми надо быть, — устроили болтанку. Вскоре сантехника в туалете из строя вышла — забилась, закрыли его и табличку на дверях повесили. А тут, как назло, мутить всех стало — из-за стола ведь сразу полетели. В салоне дышать нечем, запах стоит невыносимый, и окна не открыть, не проветрить. В Ирландии приземлились, дядюшкины друзья уже возле трапа ждут, с ноги на ногу переминаются, а у нас такой кавардак! Только через час нашли одного самого чистого, флакон одеколona плеснули на него и отправили привет от дяди передать, поздороваться да мосты дружбы навести. Оконфузились, конечно, по полной, но к Сэму не зря слетали. Оно того стоило! После нашего визита дочка шефа за границу зачастила, внучок в Англию учиться поехал, ну и нам, само собой, кой-чего перепало. Работать бы да работать ещё, да по глупости своей пришлось уволиться.

Улыбка, полная самоиронии, слетела с губ рассказчика в тот момент, когда речь зашла о глупости, которой по большому счёту предостаточно у каждого. Мне стало понятно, что Василий Александрович — человек незлопамятный, философски и с юмором относящийся к жизни. А он в это время уже говорил о том, что послужило причиной его досрочного увольнения:

— Заметил однажды, что новый менеджер, рыженький такой, деньги у шефа, которого я боготворил безмерно, тырить приноровился. Пока по мелочам, рубли да ваучеры пропадали, я внимания не обращал, а когда рыжий совсем обнаглел и доллары коробками таскать стал — тут уж не выдержал. Прижал его, потряхнул как следует. Расплакался он и во всём сознался, пообещал, что наворованное вернёт и больше не будет так делать. Пожалел я его почему-то, да и отпустил. А он тут же к дочке — и вдвоём уже к шефу, на меня всякого разного наптели. Кому шеф поверит — дочери своей любимой или охраннику? Против меня всё и обернулось. Пришлось на пенсию идти. Вскоре шеф сильно заболел и умер, а семейным бизнесом вдова его с дочкой стали заправлять да управляющий, которого перед смертью шеф успел назначить. Дело не погибло, растёт и процветает. Вот сейчас из Екатеринбурга возвращаюсь, посмотрел на их «Ритуал-центр», недавно открытый. Впечатляет, ничего не скажешь: крупнейший в мире! На мировой уровень ребята вышли. А с чего начинали?

Слушая рассказ своего попутчика, я изредка поглядывал в окно, за которым царила тьма непроглядная. Даже звёзд на небе не было видно. Казалось, что рваные свинцовые тучи зацепились за вершины гор, за макушки деревьев и за наш грохочущий поезд. Тоска беспросветная. Когда эти тучи проплачутся дождём? Каким будет завтрашний день? В тех же тучах, или порадует солнце? Василий Александрович хотел выговориться, вспоминая годы своей службы в охране, поделиться впечатлениями от великолепия, увиденного совсем недавно в похоронном центре.

— По достоинству дела их оценили. В честь покойного шефа улицу назвали, вдова на днях орден получила. Да и то верно: столько для страны сделали! Если посчитать, сколько людей за время их бизнеса похоронено, так на многие миллионы счёт идёт. А сколько ещё пользы принесут?! Без всяких сомнений — заслуженная награда! Центр такой отгрохали, что просто сказка: экраны огромные кругом плазменные, сенсорные, — одним словом, виртуальная реальность. Можно даже на

своих похоронах побывать, увидеть, как всё будет организовано, прежде чем услугу оплатить. Да и цены доступные — от эконом- до премиум-класса. Всё для людей! Сильно стараются, по всему видно. Чего-чего, а хоронить уже научились. Хоть за это можно быть спокойным.

Василий Александрович ещё очень долго рассказывал о «Ритуал-центре», поразившем его воображение размахом и помпезностью, о фотографиях высокопоставленных особ, разрезающих красную ленточку на открытии грандиозного сооружения, о восторженных отзывах в книге почётных гостей, о пророческих словах основателя бизнеса: «ВСЕ ТАМ БУДЕМ!» — метровыми буквами высеченных по граниту, о брандмауэрах огромного размера с изображениями бывшего шефа и его скульптурных изваяниях, а мне почему-то вспоминались покосившиеся дома с пустыми глазницами окон, обезлюдившие деревни, груды покорёженного и ржавеющего железа на развалинах бывших заводов, не проходящие тоска и обречённость в лицах блуждающих по этим развалинам людей. Убожество жизни и торжество смерти никак не укладывались в моём сознании, всё протестовало: не должно так быть!

Я погрузился в свои размышления и перестал слушать рассказчика. Василий Александрович, заметив мой отсутствующий взгляд, засобирился спать и через несколько минут погасил свет над своей полкой. Какое-то время я ещё смотрел в окно, вглядываясь в проявляющиеся силуэты, а потом тоже выключил свет. Контуры мелькающих деревьев стали более чёткими. Брезжил рассвет. Хотя чёрные пятна от рваных туч кое-где ещё виднелись, облачность была небольшой, а с востока, с хвоста поезда, как бы вдогонку ему, время от времени разливалась розовато-красная подсветка от восходящего солнца. «Надо же, он всю ночь про своего шефа мне рассказывал! — изумился я. — Не обиделся, значит, за то, что на пенсию раньше срока спровадил. Может, и правда достойный человек этот шеф, если даже улицу в его честь назвали. А бизнес есть бизнес: на чём может, на том и зарабатывает. Вот будем жить вечно — и не будет такого бизнеса».

А что, может, попробуем?